

Памятники Отечества

*Альманах
Всероссийского общества
охраны памятников
истории
и культуры*

2 | 1980

(2)

Памятники

№ 2 (2) 1980
Издается с 1980 года

СОДЕРЖАНИЕ

	Навстречу XXVI съезду КПСС —4—
	<i>Связано с именем В. И. Ленина</i>
К. Н. Ненарокова	Горки Ленинские —6—
	<i>Красота Отчизны</i>
В. М. Песков	Ключи от Волги —8—
	<i>Наследие и личность</i>
Д. С. Лихачев	Экология культуры —10—
	<i>Отечество Наша хрестоматия (А. С. Пушкин об исторической памяти и уважении к прошлому)</i> —17—
В. И. Лихоносов	Память народная —18—
	<i>Подвиг</i>
Александр Твардовский	Я убит подо Ржевом —21—
	<i>75 лет первой русской революции</i>
М. Т. Беляевский	По улицам «Главной крепости» —24—
	<i>600-летие Куликовской битвы</i>
И. Е. Саратов	Муравский шлях через «Дикое поле» —30—
Б. Л. Карпов	На поле Куликовом —36—
	<i>Размышления писателя</i>
Д. А. Жуков	Прозрения —45—
	<i>Образы Родины</i>
В. С. Погодин	Художники России — юбилею —49—
А. Д. Вятич-Бережных	Художник —58—
Л. С. Данилов	Россия крупным планом —60—
В. И. Калугин	«Я рисовал всю жизнь...» —66—
Н. В. Томский	Город мой! —71—
	<i>Как сохранить заповедное?</i>
А. Э. Гутнов	Арбат. Замоскворечье (О проектах реставрации заповедных московских зон) —77—
К. Ф. Князев	Все ли безупречно? —81—

Отечества

Иллюстрированный
альманах
Всероссийского общества
охраны памятников истории
и культуры

- Т. С. Семенова* Акты и правила регулирования московской застройки (Немного истории и одно предложение)
— 84 —
- В. А. Виноградов* Кропоткинская улица в системе городских ансамблей древней Москвы (Еще один подход)
— 86 —
-
- М. П. Кудрявцев* *Материалы исследований*
Историческая Москва — памятник древнерусского градостроительного искусства
— 97 —
-
- Н. Н. Визжилин* *Наследие и личность*
Вечная правда (Заметки о творчестве братьев Васнецовых)
— 108 —
- С. Б. Филимонов* Общество «Старая Москва»
— 113 —
- Н. Д. Глуценко* Изыскатели вечного
— 121 —
- В. Н. Грехов* Герои не умирают
— 124 —
-
- С. Л. Агафонов* *Возрожденная красота*
Новая жизнь древнего кремля
— 130 —
-
- С. В. Викулов* *Размышления писателя*
Мой край — Русский Север
— 135 —
-
- А. М. Прокофьев* *Русский Север: этнографические музеи или национальные парки?*
Материалы выездного заседания президиума ЦС ВООПИиК в Архангельске
— 139 —
- А. М. Прокофьев* Поморское литье
— 149 —
- Г. П. Дурасов* Северной песне жить!
— 150 —
- Юван Шесталов* Оленья сказка
— 152 —
- А. Г. Шабельников* Национальные парки: трудности и предложения
— 155 —
-
- В. Я. Курбагов* *Вернисажи*
«Слышу умолкнувший звук...»
— 163 —
- А. Н. Давыдов* Первая школа-семинар работников музеев под открытым небом
— 166 —
-
- Хроника*
— 16, 83, 147, 162, 166 —

В номере стихи А. Дементьева, Н. Рубцова, Г. Серебрякова, В. Сидорова, М. Спиридоновой, В. Старостина, А. Твардовского.

Редакционный совет	И. В. Петрянов-Соколов (<i>председатель редакционного совета</i>) Д. А. Жуков (<i>заместитель председателя редакционного совета</i>) Ю. Л. Прокушев (<i>заместитель председателя редакционного совета</i>) М. Т. Белявский И. С. Глазунов В. Н. Иванов Д. С. Лихачев Л. М. Леонов Н. А. Пластов П. П. Ревякин Б. А. Рыбаков В. И. Севастьянов Ю. И. Селезнев С. Н. Семанов В. Л. Янин Н. Н. Визжилин (<i>ответственный секретарь</i>)
Редакция	Т. А. Князева (<i>старший редактор</i>) В. Ф. Горелов (<i>художественный редактор</i>) М. В. Спиридонова (<i>младший редактор</i>)
Художник	Ю. К. Курбатов
Технический редактор	Т. С. Маринина

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Адрес редакции: 103051, Москва, Петровка, 28. Телефон 223-95-05.

Сдано в набор 29.12.80. Подписано в печать 13.01.81.
А06405. Формат 72×108¹/₁₆. Бумага гознаковская. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16,34. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2427.
Цена 1 р. 10 к.

10600—005
П 26—81 0501000000
М-105 (03)81

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, д. 13/15.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рославполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Д. С. Лихачев,
академик,
лауреат Государственных
премий

Экология культуры

Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача перво-степенной важности, и нет необходимости это доказывать. Но как воспитать эту любовь?

Она начинается с малого — с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей школе. Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране — к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре.

Истинный патриотизм — это первая ступень к действительному интернационализму. Когда я хочу себе представить истинный интернационализм, я воображаю себя смотрящим на нашу Землю из мирового пространства. Крошечная планета, на которой мы все живем, бесконечно дорогая нам и такая одинокая среди галактик, отделенных друг от друга миллионами световых лет!

Человек живет в определенной окружающей среде. Загрязнение среды делает его больным, угрожает его жизни, грозит гибелью человечеству. Всем известны те гигантские усилия, которые предпринимаются нашим государством,

отдельными странами, учеными, общественными деятелями, чтобы спасти от загрязнения воздух, водоемы, моря, реки, леса, чтобы охранить животный мир нашей планеты, спасти становища перелетных птиц, лежбища морских животных. Человечество тратит миллиарды и миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранить также ту окружающую нас природу, которая дает людям возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения.

Вот, к примеру, после войны в Ленинград вернулось, как известно, далеко не все довоенное население, тем не менее вновь приехавшие быстро приобрели те особые «ленинградские» черты поведения, которыми по праву гордятся ленинградцы. Человек воспитывается в определенной, сложившейся на протяжении многих веков культурной среде, незаметно вбирая в себя не только современность, но и прошлое своих предков. История открывает ему окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота. Жить там, где жили революционеры, поэты и прозаики великой русской литературы, жить там, где жили великие критики и философы, ежедневно впитывать впечат-

ления, которые так или иначе получили отражение в великих произведениях русской литературы, посещать квартиры-музеи — значит обогащаться духовно.

Улицы, площади, каналы, дома, парки — напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилем прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга перед потомками. И тогда прошлое и будущее становятся неразрывными для него, ибо каждое поколение — это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны — он, как правило, равнодушен и к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой. Разве не влияло на средне-русскую природу присутствие человеческого труда? Крестьянин веками трудился, ласково гладил холмы и доли сохой и плугом, бороной и косой, оттого-то среднерусская, а особенно подмосковная, природа такая родная, приласканная. Крестьянин оставлял леса и перелески нетронутыми, обходил их плугом, и потому они вырастали ровными купами, точно в вазу поставленные. Избы и церкви деревенский зодчий ставил как подарки русской природе, на пригорке над рекой или озером, чтобы любовались своим отражением. Деревянные стены долго сохраняли тепло рук их строителей. Золотая маковка не только издала светилась, как украшение, но и была ориентиром для путника. Не само здание как таковое было нужно человеку, а здание, поставленное в определенном месте, украшающее его, служащее гармоническим завершением ландшафта. Поэтому и хранить памятник и ландшафт

нужно вместе, а не раздельно. Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном.

Человек — существо нравственное оседлое, даже и тот, кто был кочевником, для него тоже существовала «оседлость» в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других.

Все мною сказанное не значит, что надо приостановить строительство новых сооружений в старых городах, держать их «под стекляннным колпаком» — так искаженно хотят представить позицию защитников исторических памятников некоторые не в меру рьяные сторонники перепланировок и градостроительных «улучшений».

А это значит только то, что градостроительство должно основываться на изучении истории развития городов и на выявлении в этой истории всего живого и достойного продолжать свое существование, на изучении корней, на которых оно вырастает. И новое должно также изучаться с этой точки зрения. Иному архитектору, может, и кажется, что он открывает новое, в то время как он только разрушает ценное старое, создавая лишь некоторые «культурные мнимости».

Не все то, что воздвигается нынче в городах, есть новое по своему существу. Подлинно новая культурная ценность возникает в старой культурной среде. Новое ново только относительно старого, как ребенок по отношению к своим родителям. Нового самого по себе, как самодовлеющего явления, не существует.

Так же точно следует сказать, что простое подражание старому не есть следование традиции. Творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, его продолжение, а не механическое подражание иногда отмершему.

Возьмем, скажем, такой древний и всем хорошо знакомый русский город, как Новгород. На его примере мне легче всего будет показать свою мысль.

В древнем Новгороде не все, конечно, было строго продумано, хотя «продуманность» в строительстве древнерусских городов существовала в высокой мере. Были случайные строения, были случайности и в планировке, которые нарушали облик города, но был и его идеальный образ, как он представлялся в течение веков его строителям. Задача истории градостроительства — выявлять эту «идею города», чтобы продолжать ее творчески в современной практике, а не глушить новой застройкой, противоречащей старой.

Новгород строился по обоим низким берегам Волхова, у самых полноводных его истоков. В этом его отличие от большинства других древнерусских городов, стоявших на крутых берегах рек. В тех городах бывало тесно, но из них всегда виднелись заливные луга, столь любимые в Древней Руси широкие просторы. Это ощущение широкого пространства вокруг своих жилищ было характерно и для древнего Новгорода, хотя и стоял он не на крутом берегу. Волхов мощным и широким руслом вытекал из Ильмень-озера, которое хорошо было видно из центра города.

В новгородской повести XVI века «Видение пономаря Тарасия» описывается, как Тарасий, забравшись на кровлю Хутынского собора, видит оттуда озеро, как бы стоящее над городом, готовое пролиться и затопить Новгород. Перед Великой Отечественной войной, пока еще был собор, я проверял это ощущение: оно действительно очень острое и могло повести к созданию легенды о том, что Ильмень грозил затопить город.

Но Ильмень-озеро виднелось не только с кровли Хутынского собора, но прямо от ворот Детинца, выходящих на Волхов.

В былине о Садко поется, как Садко становится в Новгороде «под башню проезжую», кланяется Ильменю и передает поклон от Волги-реки «Славному Ильмень-озеру».

Вид на Ильмень из Детинца, оказывается, не только замечался древними новгородцами, но и ценился. Он был воспет в былине...

Кандидат архитектуры Г. В. Алферова в своей статье «Организация строительства городов в русском государстве в XVI—XVII веках» обращает внимание на «Закон градский», известный на Руси, начиная по крайней мере с XIII века. Восходит он к античному градостроительному законодательству, заключающему четыре статьи: «О виде на местность, который представляется из дома», «Относительно видов на сады», «Относительно общественных памятников», «О виде на горы и море». «Согласно этому закону, — пишет Г. В. Алферова, — каждый житель в городе может не допустить строительства на соседнем участке, если новый дом нарушит взаимосвязи наличных жилых сооружений с природой, морем, садами, общественными постройками и памятниками. Византийский закон апопсии («вид, открывающийся от здания») ярко отразился в русском архитектурном законодательстве «Кормчих книг...»

При анализе 38-й грани 49-й главы «Закона градского», действовавшего на

Руси, легко выявить рассматриваемые в этой главе градостроительные аспекты. В первую очередь внимание закона обращено на взаимосвязь построек города друг с другом и с природой. Иначе говоря, закону апопсии придавалось важнейшее значение не только в византийском градостроительном законодательстве, но и в русском.

Русское законодательство начинается с философского рассуждения о том, что каждый новый дом в городе влияет на облик города в целом. «Новое дело творит некто, когда хочет или разрушить, или изменить прежний вид». Поэтому новое строительство или перестройка существующих ветхих домов должны производиться с разрешения местных властей города и согласовываться с соседями: в § 4 закона запрещается лицу, обновляющему старый, ветхий двор, изменять его первоначальный вид, так как если будет надстроен или расширен старый дом, то он может отнять свет и лишит вида («prozora») соседей».

Особое внимание в русском градостроительном законодательстве обращается на открывающиеся из домов и города виды на луга, перелески, на море (озеро), реку.

Связь Новгорода с окрестной природой не ограничивалась только видами. Она была живой и реальной. Концы Новгорода, его районы, подчиняли себе окружающую местность административно. Прямо от пяти концов (районов) Новгорода веером расходились на огромное пространство, подчиненные Новгороду, новгородские «пятинны» — области. Город со всех сторон был окружен полями, по горизонту вокруг Новгорода шел «хоровод церквей», частично сохранившийся еще и сейчас. Один из наиболее ценных памятников древнерусского градостроительного искусства — это существующее еще и сейчас и примыкающее к Торговой стороне города Красное (красивое) поле. По горизонту этого поля, как ожерелье, виднелись на равных расстояниях друг от друга здания церквей — Георгиевский собор Юрьева монастыря, церковь Благовещения на Городце, Нередича, Андрей на Ситке, Кириллов монастырь, Ковалево, Волоотов, Хутынь. Ни одно строение, ни одно дерево не мешало видеть этот величественный венец, которым окружил себя Новгород по горизонту, создавая незабываемый образ освоенной, обжитой страны, — простора и уюта одновременно.

Долг современных градостроителей перед русской культурой — не разрушать этот идеальный строй, а поддерживать его и творчески развивать.

Что же, однако, происходит? Вид на

Ильмень из центра Новгорода систематически сужается и загораживается. Вместо того чтобы снести нелепый дом XIX века, портящий вид на Ильмень на Торговой стороне, за ним построена новая гостиница, еще более загораживающая вид на Ильмень. Между Кремлем и Ильменем «вдвинут» неудачный памятник освобождению Новгорода, главными компонентами которого являются башня, «конкурирующая» с башнями Кремля, и очень плохо сделанный конь, который, если только мысленно представить себе его в движении, неминуемо сломает себе ноги о нацистскую свастику.

Запроектировано строительство пешеходного моста из Кремля на Торговую сторону, который не только превратит Кремль с его комплексом уникальных музеев в «проходной двор», но и окончательно закроет вид на Ильмень из всех находящихся за мостом видовых точек города.

Немного дальше Кремля, в сторону Ильменя, в районе Мячинских озер — между церковью Благовещения на Мячине, Аркажами и Воскресенской слободой — начато строительство туристического комплекса.

План его разработан проектным институтом Гипрогора. Проектировщики выбрали для комплекса красивое место, по-видимому не думая, что своим строительством они окончательно погубят и его, и вид из центра города на Ильмень. В этом же районе начато строительство водогребного канала, довольно большого, с высокими трибунами вдоль него. Для этого спрямляют и углубляют Мячинские озера, приводя их к «регулярному виду». Все это делалось для устройства международных соревнований. Однако оказалось, что габариты сооружения будут меньше полагающихся по нормам и годны лишь для тренировок и проведения местных соревнований. Таким образом, прекрасная окраина Новгорода, столетиями бывшая его органической частью, разрушается этими застройками, проводимыми якобы в связи с городским благоустройством.

По проектам, вдоль старой Московской дороги через Красное поле планируется постройка типовых домов. Въезд в Новгород по засыпанному руслу древнего Федоровского ручья (теперь проспект Гагарина) уже испорчен — закрыт пятиэтажками. Время от времени возникают и другие градостроительные опасности. То сносят части околного земляного вала (единственного по цельности оборонительного сооружения в нашей стране) для строительства универмага, то проектируют по рву того же вала прокладку кольцевой автомагистра-

ли, то возникают проекты возведения домов повышенной этажности в районе древних Кожевников и бывших Духова и Зверина монастырей.

Между тем стоит вспомнить о предложении академика Б. Д. Грекова, высказанном им еще в конце войны после освобождения Новгорода: «Новый город следует строить несколько ниже по течению Волхова в районе Деревяницкого монастыря, а на место древнего Новгорода устроить парк-заповедник. Ниже по течению Волхова и территория выше, и строительство будет дешевле: не надо будет нарушать многометровый культурный слой древнего Новгорода дорожающими глубокими фундаментами домов».

Это предложение следовало бы учитывать при проектировании новой застройки во многих старых городах. Ведь новое строительство легче осуществлять повсюду, если оно не будет врезаться в старое. Новые центры древних городов должны строиться вне старых, а старые должны поддерживаться в своих наиболее ценных градостроительных принципах. Архитекторы, строящие в давно сложившихся городах, должны знать их историю и бережно сохранять их красоту.

А как все-таки строить, если это необходимо, рядом со старыми зданиями? Единого метода предложено быть не может, одно бесспорно: новые здания не должны заслонять собой исторические памятники, как это случилось в Новгороде и в Пскове (церковь Сергия с Залужья против Октябрьской гостиницы в центре города или громадное здание кинотеатра, поставленное вплотную к Кремлю). Невозможна также никакая стилизация. Стилизуя, мы убиваем старые памятники, вульгаризируем, а иногда невольно пародируем подлинную красоту.

Приведу такой пример. Один из архитекторов Ленинграда считал самой характерной для города чертой шпили. Шпили в Ленинграде действительно есть, главных три: Петропавловский, Адмиралтейский и на Инженерном (Михайловском) замке. Но когда на Московском проспекте появился новый, довольно высокий, но случайный шпиль на обыкновенном жилом доме, семантическая значимость шпилей, отмечавших в городе главные сооружения, уменьшилась.

Была разрушена и замечательная идея «Пулковского меридиана»: от Пулковской обсерватории прямо по меридиану шла математически прямая многоверстная магистраль, упиравшаяся в «Адмиралтейскую иглу». Адмиралтей-

ский шпиль был виден от Пулкова, он мерцал своим золотом вдаль и притягивал к себе взор путника, въезжавшего в Ленинград со стороны Москвы. Теперь этот неповторимый вид перебит стоящим посередине Московского проспекта новым жилым домом со шпилем над ним.

Поставленный по необходимости среди старых домов новый дом должен быть «социален», иметь вид современного здания, но не конкурировать с прежней застройкой ни по высоте, ни по своим прочим архитектурным модулям. Должен сохраняться тот же ритм окон; должна быть гармонирующей окраска.

Но бывают иногда случаи необходимости «достройки» ансамблей. На мой взгляд, удачно закончена застройка Росси на площади Искусств в Ленинграде домом на Инженерной улице, выдержанным в тех же архитектурных формах, что и вся площадь. Перед нами не стилизация, ибо дом в точности совпадает с другими домами площади. Есть смысл в Ленинграде так же гармонично закончить и другую площадь, начатую, но не завершённую Росси, — площадь Ломоносова: в дома Росси на площади Ломоносова «врезан» доходный дом XIX века.

Вообще же следует сказать, что ленинградские дома второй половины XIX века, которые принято бранить за отсутствие вкуса, обладают той особенностью, что не столь уж резко конкурируют с домами великих архитекторов. Архитектура второй половины XIX века при всех ее недостатках «социальна». Взгляните на Невский проспект: дома этого периода времени не очень его портят, хотя их очень много на участке от Фонтанки до Московского вокзала. Но попробуйте представить на их месте новые всемирно распространенного стиля дома, и весь Невский проспект, на всем его протяжении, будет безнадежно испорчен. То же, впрочем, случится, если эту часть Невского стилизовать под ту, что лучше сохраняет старую застройку XVIII и первой половины XIX века от Адмиралтейства до Фонтанки.

Культурную экологию не следует смешивать с наукой реставрации и сохранения отдельных памятников. Культурное прошлое нашей страны должно рассматриваться не по частям, как повелось, а в его целом. Речь должна идти не только о том, чтобы сохранить самый характер местности, «ее лица необщее выражение», архитектурный и природный ландшафт. А это значит, что новое строительство должно возможно меньше противостоять старому, с ним гармонировать, сохранять бытовые навыки народа (это ведь тоже «культура») в своих

лучших проявлениях. Чувство плеча, чувство ансамбля и чувство эстетических идеалов народа — вот чем необходимо обладать и градостроителю и, в особенности, строителю сел. Архитектура должна быть социальной. Культурная экология должна быть частью экологии социальной.

Пока же в науке об экологии нет раздела о культурной среде, позволено говорить о впечатлениях.

Вот одно из них. В сентябре 1978 года я был на Бородинском поле вместе с замечательнейшим энтузиастом своего дела реставратором Николаем Ивановичем Ивановым. Обращал ли кто-нибудь внимание на то, какие преданные своему делу люди встречаются именно среди реставраторов и музейных работников? Они лелеют вещи, и вещи платят им за это любовью.

Именно такой, внутренне богатый человек и был со мной на Бородинском поле — Николай Иванович. Пятнадцать лет он не уходит в отпуск: он не может без Бородинского поля. Он живет несколькими днями Бородинской битвы: шестым сентября (по старому стилю) и днями, которые предшествовали битве. Поле Бородина имеет колоссальное воспитательное значение.

Я ненавижу войну, я перенес ленинградскую блокаду, нацистские обстрелы мирных жителей из теплых укрытий в позициях на Дудергофских высотах, я был очевидцем героизма, с каким защищали советские люди свою Родину, с какой непостижимой стойкостью сопротивлялись врагу. Может быть, поэтому Бородинская битва, всегда поражавшая меня своей нравственной силой, обрела для меня новый смысл. Русские солдаты отбили на батарее Раевского восемь ожесточеннейших атак, следовавших одна за другой с неслыханным упорством. Под конец солдаты обеих армий сражались в полной тьме, на ощупь. Нравственная сила русских была удесятерена необходимостью защитить Москву. И мы с Николаем Ивановичем обнажили головы перед памятниками героям, воздвигнутыми на Бородинском поле благодарными потомками.

И здесь, на этой национальной святыне, политой кровью защитников Родины, в 1932 году был взорван чугунный памятник на могиле Багратиона. Те, кто это сделал, совершили преступление против самого благородного из чувств — признательности герою, защитнику национальной свободы России, признательности русских брату-грузину, командовавшему с необыкновенным мужеством и искусством русскими войсками в самом опасном месте битвы. Как оценить пре-

ступление тех, кто в те же годы намалявал гигантскую надпись на стене монастыря, построенного на месте гибели Тучкова Четвертого его вдовой: «Довольно хранить остатки рабского прошлого!» Понадобилось вмешательство газеты «Правда» в 1938 году, чтобы надпись эта была уничтожена.

В юности я приехал впервые в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке 1696—1699 годов. Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Передо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев. Не было «архитектурных масс». Ее легкость была такова, что вся она казалась воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном. Ее нельзя себе представить по сохранившимся фотографиям и рисункам, ее надо было видеть в окружении низких обычных зданий. Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученного мной тогда. Позже я узнал, что такие разные люди, как Наполеон и Достоевский, считали ее красивейшей церковью в Москве. Наполеон во время Великого пожара Москвы выставил у нее караул и тем спас от огня. По инициативе А. В. Луначарского соседний с ней переулок был назван по фамилии ее строителя — крепостного крестьянина — Потаповским. Но вот пришли люди и снесли церковь. Это было в начале 30-х годов. Теперь на этом месте пустырь с каким-то ларьком. Разве не убито в нас что-то? Разве нас не обворовали духовно?

И еще о чем хотелось бы вспомнить. Город, в котором я родился и живу всю жизнь, Ленинград связан прежде всего в своем архитектурном облике с именами Растрелли, Росси, Кваренги, Захарова, Воронихина. По дороге с главного ленинградского аэродрома стоял Путевой дворец Растрелли. Прямо в лоб: первое большое здание Ленинграда и Растрелли! Оно было в очень плохом состоянии — стояло близко от линии фронта, но советские бойцы сделали все, чтобы сохранить его. И если бы его реставрировать, какой праздничной была бы эта увертюра к Ленинграду. Снесли! Снесли в конце 60-х годов. И ничего нет на этом месте. Пусто на его месте, пусто в душе, когда это место проезжаешь.

Кто же эти люди, убивающие живое прошлое, — прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает? Иногда это сами архитекторы — из тех, которым очень хочется поставить свое «творение» на выигрышном месте. Иногда же это совсем случайные люди, а в этом уже виноваты мы все. Мы дол-

жны подумать о том, чтобы таких «случайных убийц» не было.

Одних запретов, инструкций и досок с указанием «Охраняется государством» недостаточно. Надо, чтобы факты хулиганского или безответственного отношения к культурному наследию неукоснительно разбирались в судах и виновных строго наказывали. Но и этого мало. Совершенно необходимо в программе средней школы ввести преподавание краеведения с основами биологической и культурной экологии, шире создавать в школах кружки по истории и природе родного края. К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать.

Итак, экология культуры!

Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры, к тому же весьма принципиальное.

До известных пределов утраты в природе восстанавливаемы. Можно очистить загрязненные реки и моря, можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань, если не уничтожена та или иная порода животных целиком, если не погиб тот или иной сорт растений. Удалось же восстановить зубров — и на Кавказе, и в Беловежской пуще, даже поселить в Бескидах, то есть там, где их раньше и не было. Природа при этом сама помогает человеку, ибо она «живая». Она обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесенные ей извне: пожарами, вырубками, ядовитой пылью, сточными водами.

Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно.

Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве, но нельзя восстановить здание как «документ», как свидетеля эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности — это только «видимость». От умерших остаются портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных обстоятельствах «новоделы» имеют смысл и со временем сами становятся «документами» эпохи, той эпохи, когда они были созданы. Старе Място или улица Новый свят в Варшаве навсегда останутся символом патриотизма польского народа в послевоенные годы.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогресси-

рующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению ее жизни. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, уничтожают и то, что в земле еще не открыто, и то, что над землей, — уже служившее людям. Даже сами реставраторы, руководствуясь своими собственными, недостаточно проверенными теориями или современными представлениями о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Уничтожают памятники и градостроители — особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний. На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые и оттого кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей.

Градостроителям, как никому, нужны знания в области экологии культуры.

В первые годы после Великой Октябрьской революции краеведение переживало бурный расцвет. По различным причинам в тридцатые годы оно почти прекратило свое существование, специальные институты и многие краеведческие музеи были закрыты. А краеведение как раз и воспитывает живую любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах. На его основе можно серьезнее и глубже решать местные экологические проблемы. Давно высказывалось мнение, что краеведение следует ввести в качестве дисциплины в школьные учебные программы. До сих пор этот вопрос остается открытым.

Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для «нравственной оседлости» людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной.

ХРОНИКА • ХРОНИКА • ХРОНИКА • ХРОНИКА • ХРОНИКА • ХРОНИКА

В Центральном совете Общества

В 1980 году Центральный совет Общества организовал Всероссийский смотр первичных организаций Общества, посвященный 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 35-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Первичные организации Общества провели значительную работу по обследованию памятников В. И. Ленину, изучили историю создания этих памятников. При Алтайском краевом отделении Общества созданы поисковые группы, которые выявляют в селах края все, что связано с именем В. И. Ленина, а также собирают документальные памятники по истории колхозов и совхозов, промышленных предприятий, носящих имя В. И. Ленина.

В VII Всероссийском фотоконкурсе «Отечество» приняли участие 20 республиканских, краевых, областных и городских отделений Общества.

Всего на конкурс было представлено более 900 работ, посвященных памятникам истории и культуры народов РСФСР. В Доме пропаганды Общества состоя-

лась фотовыставка лучших работ фотоконкурса.

В июле 1980 года Центральный совет Общества направил во все местные отделения инструктивное письмо о шефстве студенческих строительных отрядов над памятниками истории и культуры, подготовленное совместно со Всесоюзным штабом студенческих строительных отрядов ЦК ВЛКСМ и Министерством культуры РСФСР.

Республиканским, краевым и областным штабам ССО рекомендовано совместно с органами культуры и местными отделениями Общества рассмотреть вопрос об организации шефства ССО над памятниками истории и культуры, определить объекты, нуждающиеся в консервации и благоустройстве, разработать конкретные задания для каждого линейного студенческого отряда. Отделения Общества должны оказывать практическую помощь лекторским группам ССО в подборе лекционного материала по пропаганде памятников истории и культуры.

Красноярское краевое отделение разработало положение «Об условиях социалистического соревнования студенческих строительных отрядов по участию их в ре-

монте и благоустройстве памятников и памятных мест истории и культуры и в пропаганде знаний о них». При подведении итогов учитывается не только работа по ремонту и благоустройству, но и количество членов Общества среди студентов и местного населения, количество прочитанных лекций, обследованных памятников. Победители награждаются премиями.